

«...Пал смертью храбрых»

«Перед нами... комсомольский билет Виктора Чаленко... Ему было всего 16 лет. Но пламенное сердце юноши звало в бой за Отчизну. Перед уходом в тыл врага Чаленко писал: «Если я погибну, прошу мой орден и комсомольский билет вручить мамаше...» Виктор Чаленко не вернулся с задания...

С портрета смотрят весёлые светлые глаза. На голове кубанка. Русый мальчишеский чуб спадает на высокий лоб. Это последний снимок Вити Чаленко. Он был сделан незадолго до войны, а сейчас хранится в Ейском краеведческом музее.

Часто приходит в музей сухонькая старушка с такими же светлыми, как у мальчишки на портрете, глазами. Подолгу стоит она у портрета. Не отрываясь, смотрит на родное лицо, в котором знает всё до последней родинки и веснушки.

Посетители, входя в этот зал, говорят шёпотом:

– Витина мать.

И обходят её неслышно, чтобы не помешать этому немому свиданию матери с сыном.

...Улица Армавирская протянулась через весь город. Одним концом упирается она в берег лимана, другим — в степь.

По этой улице Витя бегал со своими ровесниками на берег. С банками и палками в руках долгими летними днями они бродили по берегу, собирая рачков. А когда это надоедало, вся ватага убегала в степь, которая начиналась сразу же за последними домами.

По этой улице он ходил в школу, а когда началась война, по ней шёл на свою первую рабочую смену. Завод «Запчасть» работал на фронт.

Отсюда, из маленького белого домика с тремя окнами, они с матерью проводили на фронт Колю, Шурика и Ару. Дом, ещё недавно шумный, звенящий молодыми голосами, опустел, притих.

Радио не выключали. Ловили каждое слово. Боялись что-нибудь упустить, не услышать. А положение становилось всё серьезнее. Фашисты были под Ростовом, потом продвинулись ещё ближе. Душа Таисии Ефимовны разрывалась от тревоги и горя. С фронта не поступало ни весточки. Кто знает, может, уже и нет в живых старших. А тут Витя отказывается уехать из города. Когда завод эвакуировался, он остался. Вместе со всеми рыл окопы под городом.

Жаркое дыхание войны чувствовалось всё ближе. По ночам были хорошо слышны раскаты орудий. Фронт приближался к Ейску. И наконец наступил день, когда в город вошел батальон морской пехоты. Лица краснофлотцев были суровы.

Группа моряков остановилась через три дома от Чаленко. В тот же день Витя перезнакомился со всеми. И буквально через несколько часов уже был помощником у комбата. В детстве Виктор обегал все улицы родного города, знал здесь каждый закоулок. И теперь, когда Ейск готовился к обороне, как пригодился зоркий глаз и цепкая мальчишеская память Вити!

Таисия Ефимовна целыми днями не видела сына. Иногда он забегал, уставший, запыленный. Загоревшее под солнцем лицо с обозначившимися скулами теперь казалось взрослым. Материнская память всё бережёт о детях: каждый жест, улыбку, слово. Двадцать лет прошло с тех пор, когда сын в последний раз приветственно махнул

рукой, а в памяти сохранилось всё до мельчайших подробностей. Закроет мать глаза и снова видит всё. Будто вчера это было.

...Гулко хлопнула калитка. Мимо окон мелькнула невысокая фигурка сына, и вот он уже весело говорит с порога:

– Здравствуй, мама! Наверное, уж думала, что меня и в живых-то нет. А я вот он!

Что-то новое появилось за эти дни в его лице, во всей фигуре и даже в голосе.

– Мам, дай мне что-нибудь поесть. А я отдохну. Спать очень хочется. – Витя потёр глаза.

Она налила тарелку душистого, наваристого борща, пододвинула ложку:

– Садись, сынок.

Сын не ответил. Он спал, даже не успев раздеться. На подоконнике лежала морская фуражка с «крабом». Эта фуражка вдруг напомнила матери случай, который произошёл с Витей лет пять назад.

...Однажды он прибежал из школы радостный, возбужденный.

– Мама! Я моряком буду. Меня записали в кружок юного моряка. Учительница сказала, что если я буду хорошо учиться, то стану капитаном. Буду командовать: «Лево руля! Право руля! Так держать!» Здорово!

Весь день он говорил о моряках, кораблях, капитанах. А вечером, когда пришли старшие братья, кто-то из них, кажется, Шурик, сказал в шутку:

– Какой же ты капитан без фуражки с «крабом»?

Назавтра новая Витина кепка украсилась самодельным «крабом», вырезанным из бумаги...

Давно это было. Но о море мечтать он не переставал. Если б не война, может, и стал бы капитаном дальнего плавания.

«Значит, снова мечтает о море, – улыбнулась своим воспоминаниям мать. – Теперь не только фуражку, но и всю форму морскую где-то раздобыл. С детством ещё не простился». И вдруг вспомнила, как удивило её повзрослевшее лицо сына. Нет, не похоже, чтобы к детству вернулся. Не то сейчас время. Кольнуло сердце предчувствие. Недаром все дни пропадали в батальоне. Может, вместе с ними и уйдёт?

Мать смотрела на сына, а сердце колотилось тяжело и глухо. Она молчала, а хотелось закричать: «Не отпущу! Единственный ты у меня остался. Не отпущу!» Но она не закричала. Только присела у кровати, уронив руки.

...Таисия Ефимовна вздрогнула от стука в дверь. Вошли два моряка. Поздоровались. Один сразу же направился к спящему Вите.

– Чаленко! Уходим из города.

Витя вскочил мгновенно. Глянул на моряков.

– Сейчас я, ребята, быстро!

Он взглянул на застывшую у стола мать. Подошел, обнял её за плечи. Заглянул в глаза.

– Мама, прости, что молчал. Я ухожу добровольцем. Мое место там. – Он кивнул в сторону, откуда доносилась артиллерийская канонада. – Я комсомолец и не могу сидеть дома, когда мои братья и сестра на переднем крае. – И добавил тихо и ласково: – Ты пойми это, мама.

...Сын не вернулся. Он никогда больше не войдёт и не скажет:

– Мама, а вот и я.

Никогда. Это она поняла, когда через несколько дней после освобождения Ейска к ней в дом пришли два моряка. Вошли, поздоровались, сняли бескозырки. Один из них

вынул из внутреннего кармана бережно сложенную газету, протянул её Таисии Ефимовне. Трясущимися от внезапно охватившего её страха руками она расправила слежавшиеся газетные листки. Увидела обведенную красным карандашом заметку «Пусть помнит сына-моряка». И тут силы ей изменили.

«...В ожесточенном бою Чаленко пал смертью храбрых».

Нет Витьки, её ясноглазого мальчика, который мечтал стать капитаном дальнего плавания.

...Пал смертью храбрых. Сколько их, вот таких, молодых, горячих, создали славу ставшей легендарной Малой земле?..

...Чёрное море яростно бросало «морские охотники». Ледяная вода заливала палубу, свирепо билась о борт. А в кубрике не слышно свиста ветра, обжигающего лицо, только глухо ударяют в стенку разбушевавшиеся волны. Десантники отдыхают. Через час по колено в ледяной воде они должны ворваться на песчаную косу, где засели фашисты. Но это будет через час. А пока в кубрике смех, песни.

Прислонившись к стенке, сидит паренёк в чёрном бушлате. Русский мальчишеский чуб упал на лоб. Он не поёт, не смеётся со всеми. Думает. Ему не привыкать к смертельной опасности. И всё же перед каждым боем почему-то хочется побыть наедине с собой. Если закрыть глаза, встают беленький домик и сад с яблонями. А у порога мама, прикрыв ладонью глаза от солнца, смотрит вдоль улицы. Только стоит ли этот белый домик сейчас? Может, спалили его фашисты? Как спалили сотни домов в Новороссийске, который он защищал в прошлом году. А вот теперь он снова идёт к Новороссийску, чтобы прогнать оттуда фашистскую нечисть.

Рука опустилась в вещевой мешок, нащупала маленький самодельный блокнотик. Полистал его задумчиво... Несколько адресов, записанных торопливым почерком. Кто-то из моряков подошёл, заглянул из-за плеча. Витя смущённо прикрыл блокнот ладонью. Однажды (это было уже после их отступления из Новороссийска) ночью он долго не спал. На душе было тревожно. Небо было такое бездонное, а вокруг стояла такая непривычная тишина, что он вдруг почувствовал себя совсем одиноким. Что с мамой, не знает. От Николая, Шурика и Ары тоже ни весточки. Словом, горько было на душе у мальчишки. И тогда, словно почувствовав, как нужна Вите в эту минуту отцовская нежность, подошёл и присел рядом политрук Вершинин. Долго в ту ночь сидели они вместе. Говорили, молчали. А когда политрук наконец ушёл, Витя взял свой блокнот и начал писать. Хотелось высказать всё. А получилось всего несколько слов: «Луна. Ночью. Самые хорошие друзья в моей жизни: Анатолий Остапович и политрук Вершинин Александр Степанович». Написал и сам смутился. И оттого, что не сумел ясно выразить свои чувства, переполнявшие душу, и оттого, что доверил свое, тайное, бумаге. Вот почему и сейчас он смущённо прикрыл блокнот ладонью.

Матросы балагурили, а ему не хотелось почему-то шутить и смеяться вместе с ними. Склонившись над блокнотом, он писал:

«Если погибну в борьбе за рабочее дело, прошу политрука Вершинина и старшего лейтенанта Купицына зайти ко мне домой в город Ейск и рассказать моей матери, что сын её погиб за освобождение Родины. Прошу мой комсомольский билет, орден, этот блокнот и бескозырку передать ей. Пусть хранит и вспоминает своего сына-матроса. Город Ейск, Ивановская, 35, Чаленко Таисии Ефимовне. Витя Чаленко».

...Хлопнула дверь. На мгновение в кубрик ворвался пронизывающий ветер.

– Приготовиться к высадке...

Смолкли смех и песни. Курильщики, в последний раз жадно затянувшись табачным дымом, загасили окурки. Витя завязал вещевой мешок, поднялся.

...Солёные брызги, которые нёс с собою февральский ветер, на мгновение ослепили Витю. Но уже через минуту вместе со всеми он прыгал в воду, держа над головой автомат и гранаты.

Бой начинался тут же, у воды. Берег оцетинился пулемётным огнём. Впереди кто-то упал. Витя мгновенно бросился на землю. Он видел, как его товарищи залегли. Вражеский пулемёт то и дело выхватывал из цепи одного, другого. И Витя решился.

В цепи не сразу рассмотрели, кто это ползёт, то скрываясь, то снова показываясь между камнями. А когда увидели и поняли, что он решил сделать, крикнули:

— Чаленко, назад!

Но Витя не слышал. А может, и слышал. Только он всё равно не вернулся бы. Такая злость у него была против фашистов, которые убили столько его боевых друзей, что он уже не мог остановиться.

Краснофлотцы видели, как маленькая фигурка в чёрном бушлате приподнялась, взмахнула рукой. Взрыв – и пулемёт захлебнулся.

Моряки поднялись, и неудержимая чёрная волна покатила по обожжённой земле. Теперь уже ничто не мешало наступлению.

После боя хоронили Витю Чаленко. Слезы стояли на глазах у суровых матросов. Витя был всеобщим любимцем. Над могилой прогремел салют воинской славе и доблести юного моряка Вити Чаленко.

За бесстрашие и подвиг в бою Виктор Чаленко посмертно был награждён орденом Ленина.

...Сын не вернулся с фронта. Мать уже выплакала свои слёзы. Только сердце ничего не забывает. Часто в задумчивости перелистывает она листочки Витинового блокнота, гладит ленточку бескозырки сына. Хранит и ту памятную газету «Красный черноморец», которая первая рассказала ей о подвиге сына. О подвиге, который сын совершил во имя Родины-матери!

Публикуется по: Кальник С. «Пал смертью храбрых...» // Смена. – 1963. – № 873.